

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ВНУТРЕННИЙ КРИЗИСЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Идейная и политическая эволюція.

1. Конфликтъ идей и принциповъ. — Опала Сильвестра и Адашева. — Бѣгство Курбскаго.

I.

Конфликтъ идей и принциповъ.

«Послѣ битвы при Монлери (1465), епископъ парижскій, совѣтники и духовенство явились къ королю Людовику XI въ Турнелль. Смиренно просили они его предоставить управленіе дѣлами государства «доброму совѣту». Въ этомъ совѣтѣ должны были засѣдать шестеро горожанъ, шестеро совѣтниковъ изъ парламента и столько же представителей университета... 16 лѣтъ спустя, въ 1481 году, графъ дю Першъ былъ арестованъ, по приказанію Людовика XI, и заключенъ въ самую тѣсную тюрьму, какаѣ когда-либо существовала. Длина ея равнялась одному шагу съ половиной. Такая кара постигла графа зато, что онъ хотѣлъ покинуть Францію». (*Michelet, Histoire de France, VII, 301, VIII, 343.*)

Нѣчто подобное такой драмѣ разыгралось и въ Москвѣ, въ періодъ 1551—1571 гг. Конечно, обстоятельства дѣла были иныя, чѣмъ во Франціи; однако, они во многомъ ихъ напоминали. Я уже отмѣтилъ выше то идейное движеніе, которымъ сопровождалось начало личнаго правленія Ивана. Ливонская война съ ея дипломатическими осложненіями еще ближе подвинула Москву къ Европѣ. Разумѣется, это

только усилило указанное теченіе и поставило ему новыя задачи. Уже при отцѣ Ивана IV и подъ его покровительствомъ въ Москвѣ образовалась цѣлая слободка, заселенная иноземцами, призванными, будто бы, для личной охраны князя. Скоро тѣ поляки и литовцы, которые жили здѣсь, слились съ окружающимъ населеніемъ. Но спустя немного времени въ Москву прилила новая струя иноземцевъ. То были военноплѣнные побѣдоносныхъ войскъ Ивана или невольные переселенцы, приведенные либо съ поля битвы, либо изъ городовъ и селъ Ливоніи. Имъ отвели мѣсто на правомъ берегу Яузы. Здѣсь они и впослѣдствіи пользовались извѣстной автономіей и образовали нѣкоторый очагъ европейской культуры или разсадникъ людей, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи государства. Мы уже видѣли, какова была карьера Таубе и Крузе. Другіе выходцы Нѣмецкой Слободы—ливонцы Клоссъ, Бекманъ и др. заняли мѣсто въ кругу приближенныхъ царя и стали дѣятельными агентами московской дипломатіи.

Въ 1554 году случайная высадка англійскихъ мореплавателей на сѣверной окраинѣ московскаго государства ознаменовала для него начало новой эпохи, характеризуемой проникновеніемъ въ московскую державу европейскихъ вліяній. Одновременно съ этимъ, навстрѣчу западнымъ вліяніямъ шло движеніе изъ нѣдръ самой Москвы. Иванъ IV отправилъ въ Германію своего нарвскаго воеводу, Михаила Матвѣевича Лыкова; отецъ этого Лыкова взорвалъ себя на воздухъ, чтобы не сдать неприятелю города. Во время своего путешествія Михаилъ Матвѣевичъ долженъ былъ учиться и смотрѣть: Даже поѣздки русскихъ людей на Востокъ, предпринимавшіяся дотолѣ исключительно съ благочестивыми цѣлями, стали пріобрѣтать теперь совершенно новый характеръ. Въ 1560 году изъ Москвы выѣхалъ купецъ Василій Поздняковъ, которому было поручено передать денежную помощь патріарху Александрійскому и архіепископу горы Синайской. Между прочимъ, онъ долженъ былъ изучить и описать нравы тѣхъ странъ, по которымъ онъ долженъ былъ ѣхать. Этому отчету о путешествіи Позднякова посчастливилось перейти къ потомству и пріобрѣсти исключительную извѣстность—правда, подъ чужимъ именемъ и въ силу нѣкотораго недоразумѣнія.

Еще XV вѣкъ обогатилъ русскую литературу нѣсколькими разсказами паломниковъ къ святымъ мѣстамъ. Если вѣрить извѣстному лингвисту Срезневскому,—по своему интересу эти воспоминанія не

уступают путевымъ впечатлѣніямъ Васко де Гама. Однако, они оставались неизвѣстными для широкаго круга читателей. Лѣтъ двадцать по возвращеніи Позднякова въ Москву его отчетъ о путешествіи былъ такъ же мало извѣстенъ, какъ и всѣ прочіе. Но другому паломнику, именно, Трифону Коробейникову удалось привлечь къ себѣ общее вниманіе. Разсказъ о его приключеніяхъ извѣстенъ намъ болѣе, чѣмъ въ 200 спискахъ: онъ пережилъ 40 послѣдовательныхъ изданій и донныѣ является одною изъ самыхъ распространенныхъ книгъ. Можно найти его и въ лѣтописяхъ, и даже въ сборникахъ житій святыхъ отцовъ. А, между тѣмъ, Поздняковъ и Коробейниковъ представляютъ одно и то же. Точнѣе говоря, разсказъ второго былъ копіей съ перваго. Правда, Коробейниковъ посѣтилъ Константинополь два раза—въ 1582 и въ 1593 году. Но до святыхъ мѣстъ онъ такъ и не добрался. Конечно, подобное недоразумѣніе весьма обидно для памяти наиболѣе достойнаго изъ двухъ путешественниковъ. Во всякомъ случаѣ, оно свидѣтельствуетъ, что въ короткое время въ извѣстной области сдѣланъ былъ крупный шагъ впередъ. Правда, главное вниманіе Позднякова направлено въ сторону религіи, а также на страданія христіанскихъ народовъ подъ игомъ мусульманъ. Однако, тотъ интересъ и сочувствіе, которые вызывалъ его разсказъ у многочисленныхъ читателей, вскрываютъ передъ нами совершенно новую черту ихъ любознательности. Русское общество, очевидно, начинало выходить изъ той берлоги, въ которой оно спало уже 5 вѣковъ подъ рядъ. Оно стремилось на свѣжій воздухъ. То, что происходило тамъ, и тревожило его, и манило къ себѣ. Исторія Ганса Шлитте, упомянутая мною, въ этомъ смыслѣ имѣла еще особую, нѣсколько загадочную сторону. Во всякомъ случаѣ мы убѣждаемся, что этотъ вербовщикъ европейскихъ мастеровъ и рабочихъ для царя весьма широко понималъ свою миссію (*Pierling*, *La Russie et le Saint-Siège*, I, 324, сл.). Онъ мистифицировалъ одновременно и Карла V, и папу Юлія III, выдавая себя за посла московскаго, которому поручено вести переговоры о соединеніи церквей. Вѣроятно, Иванъ ничего и не подозрѣвалъ объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, ганноверскій авантюристъ сумѣлъ воспользоваться покровительствомъ императора и былъ весьма тепло принятъ въ Римѣ. Естественно, что вокругъ его миссіи создался шумъ, привлеченій къ нему вниманіе какъ Германіи, такъ и Италіи, и весьма взволновавшій Польшу. Несомнѣнно, исторія Шлитте представляетъ собою одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ исторіи сближенія Россіи съ

Европой. Очевидно, это сближеніе должно было совершаться не сразу, а ощупью и постепенно.

Какъ мы знаемъ, Шлитте потерпѣлъ неудачу даже въ той части своей миссіи, выполняя которую онъ никого не обманывалъ. Однако, этотъ неуспѣхъ имѣлъ извѣстныя косвенныя послѣдствія, которыя, въ концѣ-концовъ, оказались не бесполезными для самого дѣла. Узнавъ о томъ, какъ обошлись ливонцы съ его агентомъ, Иванъ издалъ особый указъ, распространявшійся на Новгородъ и его области. Этимъ указомъ запрещалось продавать въ Германію и Польшу военнопленныхъ нѣмцевъ. Ихъ приказано было отправлять на московскіе рынки. Одновременно царь потребовалъ, чтобы въ Москву присылались всѣ плѣнники, оказавшіеся знающими рудное дѣло или мастерами металлическаго производства.

Въ одномъ изъ своихъ любопытныхъ донесеній извѣстный намъ баварскій агентъ Вейтъ Ценге отмѣчалъ въ 1567 году удивительную способность русскихъ усваивать всякую иноземную цивилизацію— въ частности, промышленность, искусства, торговлю. Послѣ взятія Нарвы русскіе тотчасъ же завели сношенія съ нидерландскими провинціями и даже съ Франціей. Какъ только имъ показывали какую-либо новинку, они немедленно перенимали ее съ удивительной легкостью. Иванъ не хотѣлъ, чтобы эта способность его подданныхъ направлялась исключительно на матеріальныя блага. Начало книгопечатанія у славянъ, этого могущественнаго орудія идейной пропаганды, завѣщаннаго новой исторіи, относится къ 1491 году. Иванъ IV пожелалъ, чтобы въ числѣ другихъ мастеровъ, Шлитте доставилъ ему и книжныхъ печатниковъ. Въ Вильнѣ они появились уже въ 1525 году. Въ 1550 году Иванъ обратился съ такою же просьбой къ Датскому королю. Два года спустя тотъ прислалъ ему мастера—печатника и вмѣстѣ миссіонера, Ганса Яна Миссенгейма, который привезъ съ собою протестантскую библію и книги религіозно-полемическаго содержанія. Намъ неизвѣстно точно, къ чему привела эта попытка. Во всякомъ случаѣ, миссіонеръ не оставилъ никакихъ слѣдовъ своей дѣятельности; но у печатника оказались ученики. Въ 1553 году въ Москвѣ появляются два первыхъ русскихъ печатника, Иванъ Ѳедоровъ и Петръ Тимофеевъ; въ 1556 году мы видимъ въ Новгородѣ литейщика буквъ Василя Никифорова. Въ 1554 было окончено печатаніемъ первое произведеніе русскаго типографскаго искусства. То были Дѣянія Апостоловъ и Посланія св. Апостола Павла.

Съ точки зрѣнія орфографіи это изданіе страдает многими недочетами; но внѣшность его была превосходна. Къ сожалѣнію, работа первыхъ печатниковъ была прервана бунтомъ московской черни. Припомнимъ, что и Людовику XI-му пришлось защищать своихъ первыхъ печатниковъ, вызванныхъ изъ Страссбурга, противъ обвиненія въ колдовствѣ. Ѳедоровъ и Никифоровъ принуждены были бѣжать въ Польшу. Однако, въ 1568 году, у нихъ нашелся подражатель, Андроникъ Невѣжа, который возобновилъ ихъ работу въ Москва. Здѣсь онъ напечаталъ Псалтирь; второе изданіе этой книги появилось въ 1578 году въ Александровской Слободѣ.

Значить, то были все еще однѣ церковныя книги? Несомнѣнно. Но тогдашніе читатели, даже на Западѣ умѣли найти въ этихъ книгахъ цѣлую бездну вещей, которыя мы уже разучились отыскивать. Во всякомъ случаѣ, то была литература, т.-е. умственная нища. Впрочемъ, на ряду съ перепиской Ивана и Курбскаго, о которой мнѣ придется говорить, вмѣстѣ съ рассказами о путешествіяхъ, только что упомянутыми мною, въ эту эпоху зарождалась на Руси и чисто мірская литература. Она пыталась уже проникнуть въ область, можно сказать, романтическаго творчества.

Национальное русское творчество началось съ переработки нѣкоторыхъ мотивовъ чужеземнаго происхожденія, перешедшихъ къ этому времени вмѣстѣ со всѣмъ литературнымъ наслѣдіемъ прошлаго. Эти старыя мотивы были дополнены и приурочены къ текущей современности. Такой метаморфозѣ подверглось, между прочимъ, извѣстное сказаніе о князѣ Волошскомъ Дракулѣ. Рассказъ о томъ, какъ воевода велѣлъ прибить гвоздями шапки иностранныхъ пословъ къ ихъ головамъ, сталъ уже относиться теперь къ Ивану. Въ своемъ знаменитомъ посланіи къ царю Ивашка Пересвѣтовъ упоминаетъ о какихъ-то двухъ книжкахъ, переданныхъ имъ государю. Одна изъ нихъ остается намъ неизвѣстной. Другая представляетъ собою нѣчто въ родѣ романа—не то политическаго, не то историческаго содержанія. Въ ней приводятся рѣчи воеводы Волошкаго Петра, которыя, впрочемъ, повторяются и въ посланіи Ивашки. Далѣе идетъ рассказъ о тѣхъ казняхъ, которымъ султанъ Магометъ подвергалъ неправедныхъ судей и ябедниковъ. Очевидно, этотъ матеріалъ имѣлъ цѣлю оправдать грозный режимъ Ивана IV. Воспроизведено это сочиненіе въ запискахъ Казанскаго университета въ 1865 году.

Духовныя вліянія внѣшняго міра проникали всѣми указанными

путями въ русское общество XVI вѣка. Реакція, возбуждаемая ими здѣсь, принимала самыя разнообразныя формы. Конечно, наиболѣе доступенъ для всякаго идейнаго воздѣйствія былъ верхній слой общества, т.-е. то образованное боярство, самымъ выдающимся представителемъ котораго былъ Курбскій. Здѣсь новыя умственныя теченія создавали такое же оппозиціонное настроеніе, съ которымъ Людовикъ XI боролся въ XV вѣкѣ во Франціи. Эти теченія несли съ собою духъ свободы, они возбуждали жажду независимости и, естественно, влекли къ прямому конфликту съ самодержавіемъ, крѣпнущимъ на почвѣ старыхъ традицій. Совершенно иначе вліяло такое идейное возбужденіе на самого представителя московской государственной власти. Конечно, онъ отнюдь не оставался чуждъ той умственной пищѣ, которая приходила съ Запада. Но ею онъ склоненъ былъ пользоваться для самыхъ практическихъ цѣлей; онъ стремился къ преобразованію своего государства на новыхъ, но менѣе всего либеральныхъ началахъ. Война, въ которую вовлеченъ былъ Иванъ стоила ему дорого; она ясно обнаруживала недостатки его державы съ точки зрѣнія военной, финансовой и административной организаціи. Грозный ясно понималъ, что не можетъ равняться со своими европейскими соперниками. Когда же онъ пытался вооружить свое государство по ихъ образцу, противъ него возставалъ цѣлый міръ старинныхъ правъ, наслѣдственныхъ привилегій и родовыхъ преимуществъ. Власть этого стараго порядка чувствовалась даже на полѣ брани. Она мѣшала Ивану. Она стѣсняла его дѣйствія, парализовала его силы и вносила разладъ въ его распоряженія.

Конечно, Иванъ Васильевичъ не былъ противникомъ родового начала. Онъ самъ опирался на него въ своихъ правахъ и притязаніяхъ. Ему нужны были, однако, сотрудники незнатнаго происхожденія: онъ хотѣлъ, чтобы ему служили и повиновались. Но когда одинъ изъ такихъ слугъ попалъ въ руки татарамъ и умолялъ царя о помощи, Иванъ не преминулъ написать ему, посылая выкупъ въ 2000 рублей, что прежде такіе людишки не стоили и 50 рублей! Разумѣется, высшее боярство, занесенное въ списки служилыхъ людей, не умѣло такъ служить и повиноваться; научиться же этому отъ другихъ оно не имѣло ни малѣйшей охоты. Затянувшаяся ливонская война требовала мобилизаціи всѣхъ наличныхъ силъ и постоянного содержанія ихъ въ боевой готовности. Это неизбѣжно должно было повести къ конфликту, въ которомъ старая удѣльная Русь и московскій госу-

дарственный порядокъ должны были возобновить свою вѣковую борьбу въ иной, болѣе современной формѣ. Что представляла собою эта старая Русь? Механическое соединеніе большихъ и малыхъ княжествъ. Руководящимъ началомъ ихъ политическаго порядка былъ свободный договоръ между княземъ и его вольными слугами, которые помогали ему какъ и когда хотѣли. Словомъ, здѣсь не было ни тѣни принужденія, но зато и ничего прочнаго и постояннаго. Совершенную противоположность являло собою московское государство. Оно было сковано принципомъ централизаціи и опиралось на обязательную службу всѣхъ подданныхъ, раздѣленныхъ на группы и несущихъ на себѣ строго установленныя обязанности. Подножіе этого порядка представляли собою тяглые люди, занятые земледѣліемъ или промыслами и дающіе доходъ государственной казнѣ. Надъ ними стояли служилые люди государства, несущіе на себѣ военныя и административныя обязанности и отдающіе царю всю свою жизнь чуть ли не съ дѣтства до послѣдняго издыханія. Одни были потомствомъ когда-то свободныхъ крестьянъ; предками другихъ являлись вольные дружинники князя. Но и тѣ, и другіе стали теперь послушными колесами правительственной машины. Ими—этими воеводами, губными старостами и цѣловальниками—государственная власть пользовалась для того, чтобы выкачивать источники народнаго благосостоянія. Что же то былъ за порядокъ? Полнѣйшее и повсемѣстное подавленіе свободы; господство служебнаго долга, дисциплины и рабства.

Около половины шестнадцатаго столѣтія дѣдъ Ивана Грознаго уже разгромилъ два крупнѣйшихъ рода—Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ. Этотъ ударъ только обострилъ оппозиціонное движеніе, центромъ котораго являлась келія Максима Грека. Въ самомъ дѣлѣ, борьба двухъ религіозныхъ и умственныхъ теченій эпохи находилась въ полномъ соотвѣтствіи съ враждою двухъ политическихъ партій. Іосифъ Волоцкій и его послѣдователи *осифляне* являлись проводниками византійскаго ученія о самодержавной власти государя. Напротивъ, защитники стараго свободно-договорнаго порядка находили себѣ поддержку въ *заволжскихъ старцахъ*. Оба оппозиціонныхъ лагеря, какъ политическій, такъ религіозный, сходились лишь въ вопросѣ о раздѣленіи власти и о законномъ воздѣйствіи на государя. Одни требовали для бояръ права участія въ совѣтѣ царскомъ, другіе—для духовенства права предстательства и защиты обвиняемыхъ передъ верховной властью.

Такія задачи стояли предъ Иваномъ. Разрѣшая ихъ, онъ частью опирался на историческіе прецеденты, частью же дѣйствовалъ въ духъ личныхъ склонностей и настроеній. Во всякомъ случаѣ, его нельзя признать ни первымъ самодержцемъ, ни первымъ сторонникомъ террора. Послѣдній сталъ уже съ XV вѣка обычнымъ средствомъ правительственной политики русскихъ государей.

Грозный былъ представителемъ и борцомъ самодержавной и мощно централизованной государственной власти. Онъ наследовалъ эту власть отъ прошлаго, но пытался сообщить ей новую силу. Можно ли признать его тѣмъ разочарованнымъ идеалистомъ, какимъ изображаютъ его нѣкоторые славянофилы? Можно ли думать, что, въ порывѣ отчаянія, онъ разилъ своими руками то, что не поддавалось его преобразовательной работѣ? Можно ли оправдывать его тѣмъ, что онъ изливалъ свою тоску, окружая себя развалинами и ища опьянѣнія своему страждущему духу среди хаоса разрушенія и крови? Такое представленіе объ Иванѣ слишкомъ упрощаетъ его фигуру. Во всякомъ случаѣ, принять его безъ оговорки является совершенно невозможнымъ.

Разумѣется, въ дѣятельности Ивана Грознаго, какъ и раньше я указывалъ, было много похожего на опьянѣніе и даже на безуміе. Немудрено, что, какъ личность, такъ и политика этого государя встрѣчали себѣ, донинѣ, лишь отрицательную оцѣнку. Можно сказать, что все дѣло Грознаго едва не было предано полному забвенію. Однако, вліяніе нѣкоторыхъ его реформъ чувствуется въ Россіи и до нашихъ дней. Оно сообщаетъ политическому и социальному строю этого государства тотъ особый отпечатокъ, который невольно бросается въ глаза постороннему наблюдателю.

Было бы несправедливостью, вслѣдъ за Константиномъ Аксаковымъ признавать Іоанна IV за трагическаго лицедѣя, который изыскивалъ живописныя позы и драматическія положенія (*К. Аксаковъ, Сочиненія, 2-е изд., I, 114 сл.*). Такъ же невозможно согласиться съ Костомаровымъ, который клеймилъ Ивана, какъ самаго низменнаго и вульгарнаго деспота. Наконецъ, нельзя принять и точку зрѣнія Михайловскаго, который усматривалъ въ Иванѣ самаго обыкновеннаго маіака (*Критическіе Опыты, 1895, 112*). Отъ своихъ предшественниковъ Иванъ унаследовалъ государство, основанное на самыхъ архаическихъ началахъ. Однако, оно уже начинало преобразовываться. При этомъ оно стремилось освободиться отъ нѣкоторыхъ

принциповъ стараго, удѣльнаго порядка; но, съ другой стороны, оно хотѣло удержатъ, сохранить и развитъ кое-какія изъ тѣхъ же старыхъ основъ въ соотвѣтствіи съ новыми потребностями жизни. Духовными наставниками Ивана были Іосифъ Волоцкій и Вассіанъ Топорковъ. Отъ нихъ онъ воспринялъ идею своей божественной власти. Эта власть не можетъ быть ни ограничена, ни раздѣлена ни съ кѣмъ, ни подчинена какому-либо контролю. Наконецъ, многое Иванъ получилъ и отъ самой природы. Она дала ему своенравный, деспотическій и раздражительный характеръ. Она одарила его пылкимъ и необузданнымъ воображеніемъ. Она надѣлила его тонкимъ, живымъ, пронизательнымъ и острымъ умомъ. Однако, этотъ умъ страдалъ недостаткомъ положительности и былъ неуравновѣшенъ: онъ постоянно впадалъ въ крайности и преувеличенія. Въ томъ, какъ понималъ и выполнялъ Иванъ свою роль, сказывались всѣ эти данныя и свойства Грознаго. Иванъ ставилъ себя на недосягаемую высоту: онъ полагалъ, что все ему должно повиноваться. Сталкиваясь съ препятствіями, онъ ломалъ ихъ точно такъ же, какъ его предшественники. Но при этомъ ему приходилось затрачивать больше силъ, ибо оказываемое ему сопротивленіе было уже болѣе упорнымъ. Наконецъ, онъ дѣйствовалъ болѣе тираннически: но таковъ былъ его темпераментъ.

Такъ же, какъ и его предшественники, Иванъ не допускалъ никакого посягательства на свою волю. Онъ не терпѣлъ совѣтовъ, которыхъ самъ не спрашивалъ. Какъ и другіе московскіе государи, онъ правилъ самовластно. Но при этомъ онъ вносилъ въ свое правленіе больше жестокости и эксцентричности. Конечно, это опять зависѣло отъ его крутого характера и отъ его ума, всегда склоннаго ко всему фантастическому. Я постараюсь показать, однако, что несмотря на это, Иванъ неизмѣнно оставался строго послѣдовательнымъ. Упорно идя своимъ путемъ, вопреки большинству, если не всѣмъ, онъ утверждалъ, однако, что далекъ отъ всякаго деспотизма. Въ свое оправданіе этотъ практикъ и реалистъ ссылался на самую отвлеченную, трансцендентальную теорію. Царь подчинялъ своихъ подданныхъ суровымъ законамъ; онъ навязывалъ имъ нерѣдко такія задачи, отъ которыхъ многіе старались уклониться. Ради чего, во имя какой цѣли все это дѣлалось? Хотѣлъ ли Иванъ создать великую державу? Думалъ ли онъ завоевать Ливонію послѣ Казани и Астрахани? Мечталъ ли онъ о побѣдахъ, которыя увѣнчаютъ его славою? О, нѣтъ! Единственную

цѣлью царя было просвѣтитъ своихъ подданныхъ свѣтомъ Божественной Истины. Противъ власти его возставали; но развѣ не безумными, развѣ не слѣпцами были тѣ, которые злоумышляли противъ его особы? Его правленіе, разумѣется, не было деспотическимъ; но такъ же мало было оно и дѣломъ его личной воли. Въ самомъ дѣлѣ,—какія силы руководили его политикой? Милосердіе Божіе, милость Пресвятой Богородицы, молитвы всѣхъ святыхъ и благословеніе прежнихъ государей... Самъ царь являлся лишь живымъ орудіемъ всѣхъ этихъ высшихъ началъ. Какое же мѣсто могли занять рядомъ съ нимъ бояре? Очевидно, эти люди, дающіе назойливые или вѣроломные совѣты, эти смутьяны и предатели, эти псы, раскрывающіе пасть свою на господина, должны были совершенно ступеваться. Царь слушалъ того, кого хотѣлъ. Онъ награждалъ того, кого было ему угодно. Онъ наказывалъ тогда, когда считалъ нужнымъ это сдѣлать. Такимъ образомъ въ своемъ государствѣ онъ утверждалъ какъ бы Царствіе Божіе.

Очевидно, что съ человѣкомъ, такъ понимавшимъ свою власть и свою миссію, былъ невозможенъ какой бы то ни было споръ. Тѣмъ менѣе мыслимо было для него раздѣленіе власти. Впрочемъ, обратимся къ самой исторіи рокового конфликта.
